Высокий, с длинными седыми волосами и бородой, очень бедно одетый во что-то мешковатое, совершенно библейского вида старик медленно идёт между столиками. Голодный блеск в глазах. Он не просит. Он просто смотрит — не осталось ли на столе что-нибудь, что доесть можно.

Странная штука память, думал я, стоя 11 июня перед этой табличкой, установленной фондом «Последний адрес» по инициативе Ирины и Льва Неймотиных у входа во двор дома на Загородном проспекте, по которому проходил всё детство, вроде бы зная, но не зная, мимо чего проходил-пробегал, ни разу во двор не заглянув.

Мы стояли перед ней, вспоминали, но какими же разными были наши воспоминания об одних и тех же людях и о том, что когда-то узнавали от них. Головной памяти, головных знаний достаточно для науки и пополнения эрудиции, а по живой жизни, которая далеко не только «объективная реальность, данная нам в ощущении», ведёт память-переживание. Она может сильно отличаться от документального знания и даже противоречить ему, но власть её гораздо больше, чем мы думаем и, может быть, хотели бы. Этому можно найти множество научных объяснений, но не в них сейчас дело.

[redacted],

[redacted]а

[redacted].

[redacted]

[redacted]

[redacted]